

НОВАЯ ГАЗЕТА

ПОРТРЕТ ЯВЛЕНИЯ • ОБЩЕСТВО

«Многие потеряли в статусе»

Эмиграция российских преподавателей: как устроились
учителя и лекторы вузов на чужбине

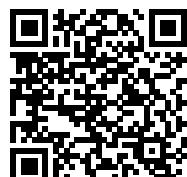
Фото: Владимир Смирнов / ТАСС

10:09, 25 октября 2024,

Ирина Лукьянова

учитель, обозреватель «Новой»

Полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами
вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

Среди людей, покинувших Россию в последние годы, немало учителей. Кажется, люди этой профессии накрепко привязаны к родному языку, к привычной системе образования, к знакомой школьной программе. Удастся ли им остаться в профессии, сменив страну, вписаться в другую систему?

Учителя, как и представители других профессий, не уехали в одночасье после 24 февраля 2022 года: многие из них перебрались в другие страны в предыдущие волны эмиграции. Одни уехали еще в девяностые. Другие задумались об отъезде после «рокировочки» в 2011-м и подавления протестов, когда стало понятно, что никакой свободы в обозримом будущем не предвидится. Иные переехали за границу уже весной 2022 года — кто после доноса, кто после требования людей в штатском уволить того или иного подписанта учительского пакистанского письма.

Те, кто уехал раньше, в основном смогли найти себе места в системе образования других стран. Иногда — в местных государственных или частных школах (для этого, как правило, нужно знать язык страны, сдать по нему экзамен, подтвердить диплом) или в международных школах с преподаванием на иностранном языке.

Уехавшие в волну февральской эмиграции чаще всего работают в онлайновых проектах или занимаются с частными учениками из разных стран онлайн. Ученики при этом представляют собой самую пеструю массу: это и дети давних эмигрантов, заботящихся о сохранении языка и культуры, и недавних, чьи дети ушли на семейное обучение или добирают то, чего им не хватает в местных школах, и дети украинских беженцев, с которыми учителя часто работают бесплатно.

Социолог Любовь Борусяк изучает последние волны российской

эмиграции и регулярно спрашивает уехавших за рубеж россиян об их опыте. Значительную долю ее респондентов составляют учителя и вузовские преподаватели, причем учителя — это в основном опытные учителя из так называемых «хороших школ». По наблюдениям Борусяк,

ситуация с трудоустройством для российских учителей за рубежом сейчас гораздо лучше, чем для вузовских преподавателей.

Любовь Борусяк, социолог:

«Они могут работать репетиторами, и на них есть спрос. В странах, где есть русские школы, их с руками отрывают. Вот в маленьком городе Баре в Черногории на 15 тысяч населения аж три русские школы. Во многих странах есть международные школы, туда устраиваются не учителя русского, а, скажем, математики, они преподают на английском языке. Новые эмигранты часто предпочитают международные школы — прежде всего потому, что совсем не уверены, что будут жить постоянно в той или иной стране, скажем, в странах Балтии. Скорее всего, они оттуда через какое-то время уедут — и поэтому выбирают учебу не на местном языке. А вот в той стране, где хотят остаться, стараются отдать ребенка уже в местную школу».

Ученики начальной школы в Дрездене. Фото: JENS SCHLUETER / AFP / East News

При этом образованные родители очень озабочены поисками школы хотя бы сравнимого качества с той, где дети учились в России. Оказалось, что найти адекватную замену нашей «сильной» государственной школе за границей не так уж легко: этот сегмент образования, похоже, у нас вполне удерживается на мировом уровне.

Но в чужой стране дорогие частные школы большинству новых эмигрантов не по карману, государственные разочаровывают так же, как и «дворовые» школы в России, и по тем же самым причинам: предметы преподаются слабо, учителей не хватает, львиную долю одноклассников составляют дети из других социальных страт, у которых совершенно другие интересы, которые не хотят учиться, подторговывают наркотиками и т.п. В некоторых странах дети новых российских эмигрантов не могут найти общий язык даже с детьми из местной русскоязычной диаспоры — жалуются, что те слушают попсу и любят Путина. Нередко у них не складываются отношения и с детьми

украинских беженцев — но не по политическим причинам, а скорее опять-таки в случае принадлежности к разным социальным стратам.

Любовь Борусяк, социолог:

«Школу такого уровня, какую они покинули, найти практически невозможно. Дети некоторых моих респондентов вернулись в Москву, в свою школу — год провели в другой стране, не зная языка, в чужой школе — и вернулись в Москву к бабушке или к отцу, если родители разведены. Дети, избалованные возможностью хорошего образования в благополучной социальной среде, получают серьезные травмы, и я слышала множество историй про подростковые депрессии, с этим связанные. Семьи с маленькими детьми сразу начинают искать жилье рядом с хорошей школой. А это очень дорогое жилье, и чтобы его себе позволить, надо иметь постоянную работу и хорошие деньги».

Одним из выходов оказывается возможность добирать недостающее онлайн. Кто-то из детей полностью переходит на онлайн-обучение, кому-то родители нанимают репетиторов. По наблюдениям Борусяк, чаще всего — по математике.

Ситуация с вузовскими преподавателями, замечает она, намного хуже:

в зарубежные вузы чаще всего смогли устроиться те, кто еще в России имел с ними

хорошие рабочие контакты. Но и в этих случаях, как правило, они получили не преподавательские позиции, а грантовые, исследовательские и при этом временные,

а не постоянные: контракт через полтора-два года заканчивается, и тогда — либо университет продлевает его, либо нужно искать новое место.

Любовь Борусяк, социолог:

«Постоянных контрактов почти никто не получил. Многие потеряли в статусе. При этом, поскольку в России они уже были профессорами, на низкую позицию их не берут, а на постоянную позицию, соответствующую их уровню, — тоже. И теперь многие думают, что всю жизнь придется так продлевать контракт раз в два года или искать новый. В лучшей ситуации находятся молодые выпускники бакалавриата или магистратуры, которые поступают в зарубежную аспирантуру. Когда они ее закончат, они уже будут на общих основаниях, наравне с местными, претендовать на постоянные позиции. Молодым легче, пятидесятилетним это уже сложно. А более старшим — практически невозможно».

Легко ли российскому учителю найти работу в школе за рубежом? Во всяком случае — возможно. Но для этого обязательно нужно пройти процедуру признания диплома и — если преподавание не на русском или английском — сдать

языковой экзамен.

Математик **Григорий Колюцкий** живет в Израиле и преподает онлайн кружковую математику (она же — олимпиадная математика, *competitive math*) на английском языке. «Здесь признание дипломов (любых) — очень долгая процедура, — говорит он. — Обещают перемены к лучшему начиная с января 2025 года. По оценкам местного профсоюза (гистадрут), уровень приехавших в Израиль за последние два года репатриантов (так называемая тыквенная алия) на 15% выше, чем у остальных граждан, так что местная бюрократия ищет, как интегрировать настолько хорошо образованных людей».

Ирина Цытович уехала во Францию в 2013 году и преподает русский язык и русскую цивилизацию (да, есть такой предмет) в школе и вузе. По ее словам, устроиться работать в школу в хорошем районе — практически невозможно даже для французов. Но в школу в неблагополучном районе, с низкими образовательными результатами — вполне возможно: там не хватает учителей, туда никто не стремится. Особенность французской системы образования — это система учительских конкурсов, которая распространяется и на государственные, и на частные школы (частных школ в стране много, и значительная доля их — школы католические). Каждый год объявляется конкурс, цель которого — выявить лучших учителей.

Конкурс очень сложный, дает огромные преимущества его победителям: они получают пожизненный учительский контракт и могут выбирать школу, где хотят работать. Но это — только для французских граждан.

«Мой муж выиграл такой конкурс 17 лет назад, и с трех пор его не занимает проблема трудоустройства. И зарплата у него, конечно, выше, — говорит Ирина Цытович. — Как правило, в хороших школах все места заняты такими учителями, и попасть туда очень трудно. Российскому гражданину стать учителем во Франции вполне возможно, если он соглашается на работу в трудной школе. Но иностранцу нужно написать запрос в префектуру полиции, и она должна дать разрешение работать учителю. Это разрешение пожизненное, и это хорошо, потому что процедура очень сложная. Нужно, чтобы диплом был апостилирован, признан, затем нужно согласие директора школы. И, разумеется, нужно свободно владеть французским языком: на нем проходят все собеседования, а их очень много на всех уровнях. А если учитель хочет работать в частной школе, то собеседование придется проходить и с представителями Католической церкви. И везде нужно рассказывать о своем педагогическом опыте, планах, проектах».

Средняя школа во Франции. Фото: LOIC VENANCE / AFP / East News

Русский язык как второй иностранный преподается в некоторых французских школах еще с 1960–1970-х гг., когда у СССР и Франции были тесные связи, а Коммунистическая партия имела в стране большое влияние. С годами таких школ становится все меньше, примерно с начала 2000-х количество учеников постоянно уменьшается.

Но приезжающие в Париж эмигранты из России и беженцы из Украины выбирают школы, где преподают русский язык. «В результате, — говорит Ирина Цытович, — в каждом классе есть дети, для которых русский язык абсолютно иностранный, и есть дети, для которых русский язык родной. Конечно, для учителя это безумно тяжело. Но я люблю такие вещи. Это весело. Это замечательный вызов. Если приложить немного серого вещества — можно справиться».

Евгения Конькова уехала из России в Литву десять лет назад. Филолог-русист по образованию, она до отъезда преподавала немецкий язык в московской гимназии. А в вильнюсской гимназии работает по специальности: преподает русский язык и литературу.

«До 2022 года я работала дистанционно: в Москве у меня работает пиар-агентство, специализирующееся на фармацевтическом рынке, мы делаем медицинский контент: фильмы, подкаст, сопровождение медицинских конференций, конгрессов, — рассказывает она. После катастрофы стало невозможно получать здесь московский доход, и я достала свой педагогический диплом. В гимназию я просто пришла с улицы, и они меня сразу взяли, мне только нужно было подтвердить диплом в Министерстве просвещения. Это процедура двух уровней: сначала комиссия при выдаче вида на жительство подтверждает, что этот диплом действительно не куплен мною в переходе, а существовал в истории. Они делают запрос, проверяют, на это уходит 30 дней. А Министерство образования подтверждает программную подготовку и присваивает степень

по литовскому классификатору — бакалавр или магистр. Мне признали магистра и ответили уже через две недели, хотя обычно это занимает около трех месяцев. Работа нашлась быстро: здесь большой дефицит учителей — в Вильнюсе не хватает около пятисот.

Есть проблема старения преподавателей, средний возраст школьных учителей — 62 года. Есть даже специальные стипендии, чтобы привлекать молодежь. Поэтому найти работу учителем не проблема.

В городе четыре русскоязычных гимназии, где предметы — химия, физика, все остальные — преподаются на русском языке. В каждой учатся две с половиной — три тысячи детей».

Учителю русского языка, чей предмет был в России одним из основных, трудно принять другой статус предмета в новой среде: «Здесь он где-то между музыкой и трудом: зачем мне его учить, если я на нем прекрасно говорю? — считают школьники. Надо учить литовский, английский, с ними ясно. А русский-то зачем? Государственный экзамен по родному языку сдается, но он несложный, готовимся к нему шутя», — говорит Евгения Конькова.

Преподавателей с российскими дипломами, по ее словам, принимают с большим удовольствием: «Вузовским преподавателям тяжелее: преподавание ведется на государственном языке и тому, кто только приехал и начинает учить литовский, до вузовского преподавания еще далеко: там нужно язык сдать на вторую категорию — это практически как родной. А в русскоязычных школах это совсем не проблема. Школьного учителя могут принять с первой категорией знания

языка и дать год на изучение, чтобы сдать экзамен на вторую. Если ты не сдал язык — никакого преследования не будет, не уволят. Все понимают, что язык сложный. Время дают, помочь предоставят. И говорят: тут люди всю жизнь живут и не начинали язык учить, а вы несколько лет как приехали».

В последние годы двухмиллионная Литва приняла множество людей, покинувших свои страны. В небольшом Вильнюсе, согласно статистике, в 2021 году было 540 тысяч населения, а на 1 января 2024 года — 602 тысячи. «С 2022 года в Литву приехали 85 тысяч украинцев и 18 тысяч россиян, а с 2020 года здесь находится еще около 30 тысяч белорусов, — говорит Евгения Конькова. — Это очень много для такой маленькой страны. Как правило, все это семейные люди с детьми. Поэтому количество детей в классах очень большое: у меня в самом маленьком классе 29 человек. Появились даже дополнительные школы — не очень профессиональные: родители объединяются друг с другом, пытаются подключать удаленное обучение, сформировать какую-то систему. Так делают россияне и украинцы. Обычно после учебного года или даже в его середине родители, которые заинтересованы в нормальном учебном процессе, начинают все-таки искать место своему ребенку — и чаще всего это место в русскоязычной школе, отсюда переполненность классов».

Как учителя справляются с переполненными классами, разницей в педагогических подходах, принятых в своей стране и за рубежом, как им удается работать с детьми, не знающими языка, травмированными, потерявшими дом? Об этом я расскажу в следующих публикациях о коллегах, которые теперь разбросаны по всему миру.

Все учительские истории — очень разные: в каждой стране своя специфика, каждый человеческий случай — уникален. Но во

всех этих историях есть общее: все они о человеческой и профессиональной востребованности учителя. Даже в чужой стране, даже в тяжелые времена. А может быть, в тяжелые времена — особенно.

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

[Долой гендер, Олимпиаду, Дарвина и смартфоны](#)

Нововведения сыплются на школы, как из ящика Пандоры. Как в этой ситуации живется учителю

16:20, 23 сентября 2024, Марина Виноградская

[«Двоемыслие дается ребенку с огромным трудом»](#)

Как родителям победить школьную пропаганду и телевизор при отключенном YouTube. Советы преподавателя

12:44, 17 октября 2024, Марина Виноградская